

Александр Крейцер, Ольга Грибанова

Дерево апостола Луки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К79

К79 **Крейцер А.**
Дерево апостола Луки / Александр Крейцер, Ольга Грибанова – М.: Lennex Corp,
— Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 236 с.

ISBN 978-5-6055643-7-9

Художник Рогир ван дер Вейден и иконописец Андрей Рублёв, писатель Гоголь и царь Пётр Первый... Как и зачем они встретились в зале Эрмитажа? Кто тот неведомый, благословивший эту встречу и одаривший мир детьми великого дерева?

Всё это происходит в романе, который пишет охранник Эрмитажа, настолько погружённый в собственный мир образов и философские идеи, что одиноко ему в мире человеческом.

Роман дописан, но может ли его автор поставить точку? Ведь у этой истории нет конца...

ISBN 978-5-6055643-7-9

© Lennex Corp, 2026
© А. Крейцер, 2026

АЛЕКСАНДР КРЕЙЦЕР
ОЛЬГА ГРИБАНОВА

Дерево апостола Луки

Роман

Москва
Интернациональный Союз писателей
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К79

Продюсер проекта Елена Наливина

Крейцер Александр, Грибанова Ольга

К79 Дерево апостола Луки / Александр Крейцер, Ольга Грибанова. —
Москва: Интернациональный Союз писателей, 2026. — 236 с.

ISBN 978-5-6055643-7-9

Художник Рогир ван дер Вейден и иконописец Андрей Рублёв, писатель Гоголь и царь Пётр Первый... Как и зачем они встретились в зале Эрмитажа? Кто тот неведомый, благословивший эту встречу и одаривший мир детьми великого дерева?

Всё это происходит в романе, который пишет охранник Эрмитажа, настолько погружённый в собственный мир образов и философские идеи, что одиноко ему в мире человеческом.

Роман дописан, но может ли его автор поставить точку? Ведь у этой истории нет конца...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6055643-7-9

© Александр Крейцер, Ольга Грибанова, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

Пролог

Маленький человек в чёрном длиннополом сюртуке приник лицом к старинному портрету... и истёк кровавыми потоками.

С картины пристально следили за ним глаза, не отпуская ни на минуту. Не спрятаться от них, не постичь тайны этих глаз. В бессилии перед этой загадкой Рогира ван дер Вейдена карлик, не щадя себя, вонзил лоб в плоть картины. Кровь запачкала одежду, растеклась по полу и застыла бурым пятном...

Неслышными шагами подошла женщина, бесцеремонно задрала полу его сюртука и залила красную краску в укреплённый на теле баллон. Кровь снова резво закапала по трубочкам, спрятанным в одежде, освежая лужу у ног страдальца.

Стены Эрмитажа, принявшие в себя эту кровавую историю в рамках выставки¹ «Ян Фабр: Рыцарь отчаяния — воин красоты»², снисходительно молчали. Они видели на своём веку и красоту, и отчаяние.

Молчали и посетители, скорбя о муках маленького существа в попытке постичь непостижимое.

«Это я», — подумал Борис.

1

¹ Выставка в Эрмитаже. <https://olya-korolevich.livejournal.com/366226.html>.

² См. статью «Выставка Яна Фабра» в разделе «Приложение».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Разорванные страницы

1. Как всё началось

Дождь. А может быть, падает снег...

Это после невнятных радиореклам вдруг зазвучал бессмертный шлягер Игоря Корнелюка. Завтрак стал заметно вкуснее.

И вдруг знакомые строки заставили вздрогнуть:

*Там для меня горит очаг,
Как вечный знак забытых истин...*

Давненько смотрел Борис культовый «Бандитский Петербург». Так и не понял тогда, какое отношение имеет песня ко всем этим зверским приключениям. Хотя смотрел не целиком, серии три осилил.

Но песня... Настоящая. Петербургская. Авторы поймали созвучие слова и музыки — и душа города отозвалась.

Борис тогда даже прогулялся по Петроградской стороне, чтобы взглянуть на старенький трёхэтажный дом, где прошло детство композитора. Этот дом показала Борису давняя подруга, соседка Корнелюков. Уютный такой, рядом с Троицкой

площадью. Знаковое место! На этом берегу Петербург рождался. Здесь Пётр построил для себя домик с низким потолком, только что головой не задевал. Здесь построил первый Гостиный Двор, сгоревший бесследно.

Здесь он, город, которого нет. Корнелюк слышал его шёпот.

Закончилась песня. Кто-то уже скороговоркой сетовал на погоду и рекомендовал принимать полезное снадобье, а сердце всё пело в такт дыханию бывшего города.

Хотя петь было уже некогда. Пора было на работу, в службу охраны, куда он устроился, уволившись с прежнего места работы в издательстве. Не одобрило его идеи руководство, не поняли коллеги. Зато приняли в Эрмитаже.

Борис пришёл туда, как оказалось, не вовремя. Только что обнародовали результаты проверок фондов — обнаружилась пропажа множества единиц хранения. Отовсюду слышалось: «А-а! Это через вас музейные ценности проносят?» В Павловске шутник-охранник даже не хотел пускать бесплатно по музейному пропуску в парк: вы, мол, и у нас всё вынесете.

Но эта работа спасла от одиночества. Он не спешил после вахты домой. Дома было пусто с тех пор, как похоронил отца. А в Эрмитаже хотелось жить, ходить по залам и галереям, здороваться с каждым портретом, смотреть из эрмитажных окон то на Неву, то во внутренние дворики — и открытые, и тайные, — подниматься и спускаться по служебным лестницам, гадая, куда же они выведут. Поэтому в свои выходные он, выспавшись, ехал опять в Эрмитаж. Просто так.

Но приходилось всё же добираться в конце концов в свой пустой дом и ложиться спать, чтобы утром скорее этот дом покинуть.

На работе теперь закручивали гайки, и перспектива получить выговор за опоздание на разводку отнюдь не радовала. Но

песня, тысячу раз слышанная, сегодня не отпускала. Она будто сорвала замки с кладовых памяти, и хлынули воспоминания. Вроде не были они связаны ни с песней, ни с городом, но с этого утра начали жить в душе Бориса собственной жизнью — шли с ним рука об руку на работу, жались к плечу на кухне, цепляли за ноги на любимых загородных прогулках. Они беспардонно вклинивались в самые романтические свидания.

В какой момент они перестали быть воспоминаниями? Как обратились они в духовные странствия по городам и эпохам?

Это были города, в которых он никогда не был, о которых ничего не знал, — города, которых нет. Он видел эти города во сне, они вторгались в сознание днём, и Борис брался за перо, чтобы их зафиксировать.

Пригвождённые к бумаге, они на время отпускали, но возвращались снова.

Да и на бумаге они были слишком похожими на Петербург...

«Город позвал», — утешал себя Борис. Вроде как шутил. Но это, пожалуй, были уже не шутки. Он возвращался к написанным текстам через недели, через месяцы и не узнавал в них себя. Кто ты, пишущее альтер эго?

В Романовской галерее Эрмитажа уже давно, с тех пор как начал службу, заметил он картину Рогир ван дер Вейдена «Святой Лука, рисующий Мадонну». Возвращался к ней снова и снова, пока не ощутил апостола-евангелиста в себе самом. Было это так ощутимо, что задумал Борис написать роман о святом Луке. И начать его решил так...

Жаркий день в Антиохии. Скучный день, похожий на все остальные.

Отрок Лука, тихий и рассеянный, отвлёкся от своей восковой таблички, на которой выводил стило прямые и угловатые

цифры. Домашний учитель задал ему сложную задачу, а день такой жаркий, что думается с трудом.

Думается о той прекрасной сказке, что рассказала ему на ночь рабыня-нянюшка. О том, как к старым бездетным родителям пришли три неведомых вестника от Бога всех богов. А старый хозяин догадался, что перед ним непростые гости, усадил их в тени прекрасного дуба Мамврийского³, накормил всем лучшим, что нашлось в доме. За это вестники пообещали хозяевам, что родится у них, стариков, маленький сын, потому что они хорошие люди. И ведь родился же! Так все вокруг удивлялись!

Если быть хорошим, то, может быть, однажды придут к дому твоему три чудесных вестника. И тогда посадишь их под дубом... А где дуб?

Если посмотреть влево, с террасы видна лепная ограда. А если ещё и привстать, пока учитель отвернулся, то можно увидеть сквозь ограду круглый дворик. В этом дворике стоит мраморный Эрот с раковиной в руках, а из раковины бьёт упругая прохладная струя воды. Так и вскочил бы, так и побежал бы к Эроту, чтобы подставить голову под струю — вскрикнуть, поёжиться, поплескаться, похохотать... Но нельзя. Учитель рассердится и доложит отцу о непослушном ученике. А Лука не любил огорчать отца.

Лучше смотреть вправо. Там шумит полноводный и извилистый Оронт, поднимает на бегу кучи речного ила и выбрасывает мутными потоками в далёкое море. А за ним неуклюже тянется к небу серо-зелёная гора Сильпиус. Что там, за горой? Какие земли? Какие живут в этих землях люди?

³ См. статью «Мамврийский дуб» в разделе «Приложение».

Они, конечно, строят храмы и украшают их куполами, горящими на солнце, как языки пламени.

Вот там можно и дуб посадить... для вестников...

— Господин Лука! Чтобы решить задачу, необходимо смотреть на изображённые вами числа... — недовольно заметил учитель.

Лука со вздохом уткнулся в свою табличку и стал поглубже процарапывать острым стилем цифры на воске. А потом соединил эти палки крышей и вывел на ней купол — язык пламени. Но больше этот купол был похож на вкусную луковку...

Как-то так можно было бы начать роман.

Но откуда выплыли под бессмертный хит Корнелюка воспоминания о той?... Как же её?... Простое имя... Только не Катя!.. Люся?

Точнее, выплыли сначала строки, когда-то слышанные:

*...Коль ты из прошлого пришла,
Ты в прошлое уйдёшь!
Туда, где я остался сам
Счастливым, молодым.
Твой чистый взгляд мне больше там,
Чем здесь, необходим.*

Надо же. Был такой поэт в семидесятых годах⁴. Как же его?.. Не вспомнить... Он, Борис, литературовед и философ, а ныне, после роковой ссоры с руководством издательства, сотрудник службы охраны Эрмитажа, пожалуй, сейчас не в восторге от этого длинного и тягучего стиха. Но вдруг показалось, что это про неё, про ту девушку.

⁴ Советский поэт и переводчик Олег Дмитриев.

*Ты, туфли скинувшая вдруг
И в тоненьких чулках
Бегущая под визг подруг
На праздничных снегах!*

— Вообще-то меня зовут Людмила. Флейтман. Но лучше зовите Люся.

— Музыкальная фамилия...

— Ага! Но на флейте я не играю. На гитаре немножко... Нет, мне не холодно. У меня руки всегда горячие. И вообще могу босиком по снегу бегать...

Тогда его, выпускника филфака, в Пушкинские Горы привёл непростой случай. Люся была тут ни при чём, но так уж чудесно совпало: и встреча с ней, и события, переродившие его духовную жизнь.

А может, всё же?... Она улыбнулась доверчиво, зазвучала флейтой музыкальная фамилия — и всё началось?

Хотя нет, пожалуй, началось раньше... летом... В каком же году? В семьдесят восьмом? В семьдесят девятом?

Он, уже студент, поехал в последний раз с матерью в небольшой городок — на её родину. Там они когда-то отдыхали каждое лето.

В провинциальном книжном магазинчике он купил двухтомник с избранными сочинениями Гоголя. Надо же, подумалось, почему-то провинциальное издательство решило воспользоваться не академическим вариантом текста, а ранними редакциями. Разница значительная. Меньше живописных деталей и стилистических завитков. Например, в этой грандиозной горной панораме во втором томе «Мёртвых душ»:

На тысячу с лишком вёрст неслись, извиваясь, горные возвышения. Точно как бы исполинский вал какой-то бесконечной

крепости, возвышались они над равнинами то желтоватым отломом, в виде стены, с промоинами и рывтинами, то зелёной кругловидной выпуклиной, покрытой, как мерлушками, молодым кустарником, подымавшимся от срубленных деревьев, то наконец тёмным лесом, ещё уцелевшим от топора. Река то, верная своим высоким берегам, давала вместе с ними углы и колена по всему пространству, то иногда уходила от них прочь, в луга, затем, чтобы, извившись там в несколько извивов, блеснуть, как огонь, перед солнцем, скрыться в рощи берёз, осин и ольх и выбежать оттуда в торжестве, в сопровожденье мостов, мельниц и плотин, как бы гонявшихся за нею на всяком повороте.

В одном месте крутой бок возвышений воздымался выше прочих и весь от низу до верху убирался в зелень столпившихся густо дерев. Тут было всё вместе: и клён, и груша, и низкорослый ракитник, и чилига, и берёзка, и ель, и рябина, опутанная хмелем; тут... мелькали красные крыши господских строений, коньки и гребни сзади скрывшихся изб и верхняя надстройка господского дома, а над всей этой кучей дерев и крыш старинная церковь возносила свои пять играющих верхушек. На всех их были золотые прорезные кресты, золотыми прорезными цепями прикреплённые к куполам, так что издали сверкало, как бы на воздухе, ни к чему не прикреплённое, висевшее золото. И вся эта куча дерев, крыш, вместе с церковью, опрокинувшись верхушками вниз, отдавалась в реке, где картинно-безобразные старые ивы, одни стоя у берегов, другие совсем в воде, опустивши туда и ветви, и листья, точно как бы рассматривали это изображение, которым не могли налюбоваться во всё продолженье своей многолетней жизни⁵.

⁵ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 5: Мёртвые души. М., Издательство Московской Патриархии, 2009.

